

УДК 392+396+18
DOI: 10.17223/22220836/38/14

К.С. Шаров

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ КУРТУАЗНОЙ ЛЮБВИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ МАТРИМОНИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВАХ

В статье представлено исследование по проблеме изменения системы гендерных социальных ролей в современных неолиберальных обществах, в частности, европейском и российском социуме, и генетической связи этого изменения с культурной средневековой традицией куртуазной любви. «Постсемейная» интимность современного неолиберального общества символически базируется на сознательном искажении, трансгрессии системы гендерно-властных отношений, базовые принципы которой были сформулированы в рамках западноевропейской куртуазной традиции поклонения Прекрасной Даме.

Ключевые слова: гендерные роли в обществе, институт семьи, институт брака, культурная традиция, куртуазная любовь, поклонение Прекрасной Даме, мазохизм.

Введение

Цель статьи – проанализировать культурную традицию поклонения Прекрасной Даме, зародившуюся в западноевропейской культуре в средние века, и показать, каким образом она связана с современными процессами радикальной трансформации гендерных социальных ролей и системы гендерной коммуникации в европейском и российском обществе.

Традиция поклонения Прекрасной Даме связана с психологическим отрицанием семьи. Почему так?

Понятие о «нормальной» семье (семье классического типа) тесно связано с мыслью о первичности, фундаментальности и непреодолимости гендерного разделения в социуме. Эта тема подробно разработана в русской философии рубежа XIX–XX вв. Так, Николай Бердяев в своей известной работе «Метафизика пола и любви» пишет: «Полной человеческой индивидуальности нет, пока не преодолен пол... Мужчина не только не есть „нормальный“ тип человека, но вообще еще не человек сам по себе, не личность, не индивидуальность без любви... И женщина пол, тоже осколок... Относительно женщины это достаточно признано в обществе, но выход из этого состояния часто видят в том, чтобы превратить женщину в мужчину» [1. С. 252].

В связи с этим Бердяев критиковал современных ему «эманципе», представительниц течения суфражисток, видевших свою задачу в полном уравнивании положения мужчин и женщин в обществе, поскольку был убежден, что утверждение бесполости, уничтожение половой полярности – губительная для общества тенденция. Для реализации подлинной личности, по Бердяеву, нужно не уравнивать мужчину и женщину и не уподоблять женщину мужчине, а, напротив, всячески утверждать начала феминности, которой бы поклонялся мужчина. Бердяев полагал, что семья не должна быть вотчиной женщины, а также базисным пространством выстраивания женщиной власт-

ных отношений в обществе. Согласно ему, семья – это всегда лишь ярмо, угнетающее женщину и убивающее образ Прекрасной Дамы. Он отмечает: «Семейно-родовой взгляд на женщину признает своеобразие женщины и особенность ее назначения, но всегда враждебен личному началу в женщине, всегда угнетает и поработачивает человеческое лицо женщины» [1. С. 252]. Бердяев дает и объяснение своего отрицательного отношения к семье: «Женщина рождает в муках и становится рабом безличной родовой стихии, давящей ее через социальный институт семьи» [Там же].

Какую же социальную альтернативу для женщины предлагает Бердяев, если она должна отвергнуть семью как столь несостоятельный элемент своей жизни? Он утверждает, что индивидуальное призвание женщины – в утверждении «метафизического начала Вечной Женственности». Назначение индивидуальной женственности – конкретно воплотить в мир Вечную Женственность, т.е. «одну из сторон божественной природы», и этим путем вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе. Бердяев раскрывает свои мысли дальше: «Женщина должна быть произведением искусства, примером творчества Божьего, силой, вдохновляющей творчество мужественное. Быть Данте – это высокое призвание, но не менее высокое призвание – быть Беатриче; Беатриче равна Данте по величию своего призвания в мире, она нужна не менее Данте для верховной цели жизни» [Там же. С. 254].

В.С. Соловьев [2] и В.В. Розанов [3] наряду с Бердяевым концептуально сформулировали метафизические основания бытующего со средних веков в западноевропейской культуре символических образов Прекрасной Дамы и Вечной Женственности и куртуазной символической традиции поклонения этим образам.

Средневековая иллюстрация к первому изданию «Романа о груше» французского трубадура Тибо (XIII в.). Рыцарь подает Прекрасной Даме свое сердце

Medieval illustration for the first edition of *The Novel of the Pear* by the French Troubadour Thibault (13th century). A knight gives a Lady his heart

Данная традиция воспроизводилась менестрелями и трубадурами преимущественно в X–XIII вв., а ее пик пришелся на эпоху Крестовых походов [4. Р. 112–115]. Нандини Панди отмечает связь данной символической традиции с античной традицией гендерного фетишизма, увековеченного Овидием [5. Р. 460], а Тарек Шамма проводит параллель между традицией куртуазной любви и репрезентацией гендерных статусов женщин в арабских сказках [6]. Исходно данная традиция развивалась в рамках культуры рыцарских турниров; ее истоки восходят к распространению по континентальной Европе артуровского эпоса [7], однако впоследствии она была широко адаптирована к нуждам и потребностям широких слоев населения стран Западной Европы и таким образом трансформировалась в существенный по значимости культурный пласт [8]. Знаменитый швейцарский культуролог Дени де Ружмон убедительно показал, что с развитием традиции куртуазной любви, неотъемлемой частью которой было поклонение Прекрасной Даме, распространение и воспроизводство знаков этой традиции было уравнено между полами: к концу XII в. появилось множество женщин-трубадурш (*trobairises*), а королева Элеонора Аквитанская, жена Генриха II, принесла трубадурскую культуру из Бургундии и Франции в Англию, тем самым сделав ее универсальной для Западной Европы [9]. К середине XIII в. женщин-трубадурш уже можно было рассматривать как главных идеологов и носителей культуры куртуазной любви [10].

Н.Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?» с позиций и искусствоведа, и социального философа анализирует данную символическую традицию [11]. Чернышевский в своей версии излагает фабулу романтической баллады Ф. Шиллера «Рыцарь Тоггенбург», в которой критикует поклонение Прекрасной Даме как мифологическому символическому и культурному идеалу. В рассказе Чернышевского в метафорической форме предстает символическая социальная реальность. Тоггенбург бьется с соперниками за руку некой дамы. Но эта дама ему просто так себя не отдает: «Рыцарь, я люблю вас как сестра. Другой любви не требуйте. Не бьется мое сердце, когда вы приходите – не бьется оно, когда вы удаляетесь». Тогда у рыцаря начинает работать трансгрессивный механизм формирования его психологического портрета – он заболевает «синдромом Данте». Он плывет в Палестину и сокрушает неверных, но «он не может жить, не видя царицу души своей». Приезжает домой, но ему выливают на голову ушат холодной воды: «Не стучитесь, рыцарь, она в монастыре» [Там же. С. 309].

Традиция поклонения Прекрасной Даме и измерение семьи

Я выдвигаю гипотезу, что гендерная раскрепощенность конца XX – начала XXI в., когда традиционные формы семейности уступают место «гражданским партнерствам», а по сути – новому социальному порядку незарегистрированных отношений, которые могут быть в любой момент прекращены, в европейской культуре до определенной степени была символически подготовлена и обоснована традицией поклонения Прекрасной Даме. Безусловно, это ни в коей мере не означает, что это прямая причина набирающей обороты ныне квазисемейной формы организации общества в современных Европе и России, однако как культурный стереотип данная традиция во мно-

гом легитимировала либерализацию отношения к незарегистрированным внесемейным отношениям в современном обществе.

Вне классической семьи при наличии лишь куртуазного мужского поклонения женщине – при реализации того «идеала» интимных отношений, о котором столько писали в возвышенном ключе Н. Бердяев, В. Соловьев, В. Розанов, словом, одни из наиболее выдающихся русских мыслителей рубежа XIX–XX вв., – женщина, скорее всего, будет психологически оставаться равнодушной к мужчине, ее обожествляющему, а от равнодушия до отвращения – один шаг. Поэтому тот символический порядок, который предвосхищали и описали в своих трудах эти великие русские философы, грозит выродиться в размывание структуры гендерно-властных отношений в социуме. Как полагают Харрис и МакДейд [12], если вывести женщину из сферы семьи и материнства, она психологически обычно превращается в социального тирана, разрушающего не только социальный строй, но и всю культуру. Если вывести из сферы классической семьи мужчину, он превратится в диктатора, с точки зрения этих же исследователей. При этом мужчина зачастую не будет нормально субъективироваться и, приобретая позитивные маскулинные черты, становится полноправным социальным актором, встроенным в совокупность социальных отношений.

Герберт Джеймс Дрейпер (1863–1920). Тристан и Изольда

Herbert James Draper (1863–1920). Tristan and Iseult

Французский историк-медиевист Жорж Дюби подчеркивает, что образ Прекрасной Дамы был принципиально символически несовместим с образом жены и женщины-матери, не вписывался в концепцию классической средневековой семьи [13. С. 93], а Фрэнсис Ньюман, подтверждая идею Чернышевского, аргументирует, что куртуазная любовь могла легко превращаться в домашнее насилие, когда женщина-идеал выходила замуж и тем самым лишалась символического ореола божества, который не позволял в период до замужества рассматривать ее как обычного человека, которого можно подвергнуть физическим побоям [14. Р. 54].

Новый символический обмен гендерных отношений

Расшатывание института семьи и либерализации отношения в социуме к постсемейным формам его организации в настоящее время создает новый порядок знаково-символического обмена, если пользоваться терминологией Жана Бодрийяра [15]. По сути, начинается игра симулякров – симулякров семьи, материнства, отцовства, детства. Инфантилизм, продолжающийся до 38–40 лет у многих современных людей, принципиальная психологическая неготовность иметь семью как минимум до этого возраста [16] – один из образцов нового гендерного символического обмена. В рамках такого нового символического порядка наблюдается огромный дисбаланс возраста: 1) физиологического созревания человека и, соответственно, вступления его в интимные связи и 2) его психологического созревания; в западноевропейских сообществах этот дисбаланс сейчас может достигать 25–28 лет, а в российском социуме – 22–26 лет [17].

Женщина без семьи, принципиально отказывающаяся от брачных отношений, как полагал Герберт Маркузе, психологически чаще всего превращается в пустую кокетку, даже не понимающую, как по-настоящему пользоваться своей социальной властью, как инкорпорировать в нее мужчину и с помощью этой власти попытаться реализовать свои социальные стратегии [18]. Более того, развивая мысли Маркузе, можно сказать, что у такой женщины зачастую может и не быть по-настоящему *социальных* стратегий – она чаще всего живет только для себя как представитель *индивидуализированного общества*, для своих развлечений и в предельном случае – для удовлетворения своего либидо. Однако она сама возносится на психологический пьедестал Прекрасной Дамы. Мужчина в состоянии нового символического обмена теряет символизацию мужественности как антитезу женственности и начинает быть немым рабом новой Прекрасной Дамы. В современности, когда все большее число мужчин и женщин, по словам З. Баумана, «индивидуализируются» и забывают социальное, становясь лишь эгоистическими *личностями* [19], все больше мужчин и женщин превращается в гендерный набор индивидов, которые словно уничтожают социальную реальность, подменяя ее реальностью собственных наслаждений – психических и физиологических [20]. И при трансформации семейных отношений создается угроза общественному, свидетелями которым мы сегодня становимся все чаще и чаще, хотя некоторые исследователи, например О.Д. Волкогонова, видят в такой трансформации некоторое противопоставление инструментализации человека в модернистском обществе [21. С. 160].

Герберт Маркузе, мечтавший о нерепрессивной цивилизации, в рамках которой личные отношения строились бы совершенно свободно, и тот вынужден был допустить: «Понятие нерепрессивного строя должно вначале пройти испытание самым „беспорядочным“ из всех инстинктов – сексуальным. Нерепрессивный порядок возможен только в том случае, если сексуальные инстинкты смогут, движимые собственной динамикой, создать в изменившихся экзистенциальных и социальных условиях *прочные* (курсив мой. – К.Ш.) эротические отношения между зрелыми индивидами» [18. С. 213]. По Маркузе, культура (если в этом контексте ее понимать как метонимический синоним цивилизации) не может существовать, если беспорядочность физиологического инстинкта не приведет к формированию *прочных* социальных

связей между мужчинами и женщинами [18. С. 214]. Живи сегодня Маркузе, он сказал бы, что наш мир не просто репрессивен, но *сверх*репрессивен: социальное пространство любви деконструируется, а индивидуальная психика постоянно травмируется идеологическими предписаниями, конструируемыми и воспроизводимыми масс-медиа. Это отличительная черта современных европейских нелиберальных сообществ, к которым в последние годы отчасти начинает тяготеть и российский социум.

Герберт Джеймс Дрейпер. Ланселот и Гвиневера
Herbert James Draper. Lancelot and Guinevere

В то время как женщина могла бы через субъекцию одного мужчины либо считанного набора мужчин (один брак в жизни, может быть, и идеальный, – почти недостижимый сегодня вариант, однако повторные браки в плане формирования гендерно-властных отношений, безусловно, не похожи на свободные сожительства) поддерживать воспроизводство социальных отношений, она начинает строить перверсивные властные отношения с неограниченным числом любовников, отношения, которые, будучи разомкнутыми с социальным пространством, замыкаются сами на себя. Такое «короткое замыкание» власти в непрекращающейся погоне за новыми наслаждениями делает из многих женщин символические репрезентации «Венеры в мехах» и «роковых женщин» Леопольда фон Захер-Мазоха [22]. Характерно, что сегодня распространение различного рода садо-мазохистских отношений в сфере интимной жизни идет рука об руку с превращением женщин в символических роковых сирен Мазоха. Даже если признать, что садо-мазохизм проявляется не просто благодаря сексуальной распущенности, но и вследствие психических заболеваний, логика рассуждений все равно остается прежней. Деструкция социального, особенно в сфере власти, порождает деструкцию мужской и женской психики [23]. На психологическую преемственность садо-мазохизма и куртуазной любви как нарратива средневековой интимности обращает внимание французский исследователь Дюи [24. Р. 74–77], однако мы считаем, что эта связь глубже: не только средневековые грани метафизики любви связаны с мазохистским психологическим синдромом, но и – в

большей степени – современный дискурс интимности, а через него – со знаково-символической традицией поклонения Прекрасной Даме как проявления куртуазной любви. Схема этой связи такова:

расшатывание классической семьи
и наступление эпохи постсемейной интимности ←
← трансформация гендерных социальных ролей
в современном неолиберальном обществе ↔
↔ мазохизм как психологическая девиация ↔
↔ традиция поклонения Прекрасной Даме ↔
↔ культурный нарратив куртуазной любви.

Культурный символ Прекрасной Дамы и особенности мышления

Интересно, что ряд исследователей ставит под сомнение возможность прямого влияния визуального символа культуры на мышление. Так, волгоградские ученые А.Л. Стризове и В.А. Храпова пишут: «Таким образом, сама по себе визуализация культуры не несет угрозу культурной и интеллектуальной деградации: лишь отдельные, хотя и наиболее „массовидные“ ее проявления, а также связанные с ними технологии конструирования и репрезентации визуальных образов могут способствовать примитивизации восприятия и мышления» [25]. Это вполне соответствует нашей логике; я полагаю, что генетическая связь традиции поклонения Прекрасной Даме с изменением психики и трансформацией гендерных социальных ролей в современности осуществлялась не через визуальные репрезентации куртуазной любви, а с помощью создания целостного культурного нарратива, включающего язык, образы, невербальное общение, литературу, культурные стереотипы и обращение к архетипу матриархальной власти.

Эдмунд Блэр Лейтон (1852–1922).
Посвящение в рыцари
Edmund Blair Leighton (1852–1922).
The accolade

Когда в социуме прекращается репрезентативная социализация мужчин и женщин, а начинается симулятивная игра знаков, то сильные мужские натуры становятся крайней редкостью, а женщины-тигрицы, наоборот, начинают появляться в большом количестве – вот парадоксальное прямое следствие того короткого замыкания власти, которое мы упомянули чуть выше, о чем говорит Жиль Делез в своем «Представлении Захер-Мазоха» [26. С. 242]. На тигрицу нужен не знающий страха перед женским укротитель. Женщине, подобной Ширли из одноименного романа Шарлотты Бронте, требуется аннигиляция избытка ее власти властью невероятно психологически сильного мужчины, как ее учитель Луи Мур, в противном случае она будет мучением и себе, и окружающим. Вспомним показательный, кульминационный диалог между этими двумя сильными натурами:

– У меня сердца нет, я его потеряла. Пустите, я пойду его поищу.

– Признайтесь, оно там же, где частенько бывают ваши ключи, – у меня в руках?

Завладев ее рукой, я спросил:

– Что же, мне умереть без вас или жить для вас?

– Как хотите. Не мне за вас выбирать.

– Я должен услышать приговор из ваших уст: могу я надеяться или вы обрекаете меня на изгнание?

– Уходите... Разлуку я могу перенести.

– Я также смогу вас покинуть, но скажите мне, дитя мое, повелительница моя, сами скажите, что мне делать?

– Умрите без меня, если хотите. Живите для меня, если не боитесь.

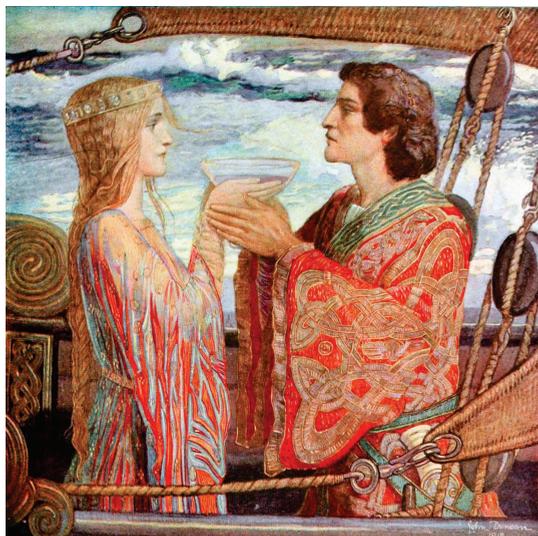
– Я не боюсь вас, моя тигрица, и с этой минуты до самой смерти я буду жить с вами и для вас. Наконец-то я покорил вас! Теперь вы моя, и я уже никогда вас не выпущу. Если я останусь в Англии – вы будете жить здесь, если отправлюсь за океан – вы последуете за мной. Теперь у нас одна судьба [27. С. 498–499].

Не правда ли, не очень похоже на стандартные диалоги возлюбленных из современных «любовных» романов, где единственная любовная сцена служит театром игры симулякров любви?

Как подчеркивает Хаттон, подобные психологические ситуации также описаны во многих английских романтических и викторианских романах, особенно готических, в которых часто воспроизводятся средневековые культурные стереотипы и традиции, в том числе традиции куртуазной любви [28].

Характерно, что Луи Мур называет Ширли одновременно и «мое дитя», и «моя повелительница» – здесь одновременно происходит и констатация факта власти над ним Ширли – власти, над всем довлеющей, все себе подчиняющей, и доказательство зеркальной инверсии этой власти с ее многократным усилением. Позволим себе маленькое естественнонаучное сравнение, которое как нельзя лучше подходит к логике наших рассуждений. ФЭУ – фотоэлектрический умножитель – позволяет развивать на выходе из него электрическую мощность, во много раз превышающую мощность света на входе в него, за счет многократного отражения и усиления пучка электронов – того, что внутри и не видно глазу наблюдателя. Женщина типа Ширли Килдар только тогда будет нормально жить, не сокрушая свое психологическое Я и симво-

лическое внутреннее, если ее власть, усиленную в «ФЭУ» мужского самосознания, мужчина приложит к ней же. Ни один мужчина не заполучит любви такой женщины, если она не будет его всецело уважать и всецело ему доверять, а это, в свою очередь, невозможно без того, чтобы она в глубине души его не боялась. Для женщин слабовольных, женщин-овечек, уважение связано с почитительностью, для женщин-тигриц – лишь со страхом перед психологическим укротителем и ни с чем иным.

Джон Дункан (1866–1945). Тристан и Изольда

John Duncan (1866–1945). Tristan and Isolde

Не об этом же говорит Бернард Шоу в своем «Пигмалионе»? Вспомним кульминацию пьесы, когда Элиза со своим учителем скрестили шпаги:

– Пробрало вас наконец, Генри Хиггинс?.. Боже, когда вспоминаю, что пресмыкалась перед вами, что вы издевались надо мной, насмехались и мучили меня, а мне достаточно было пальцем шевельнуть, чтобы поставить вас на место, – я просто убить себя готова.

– Ах вы наглая, бессовестная девчонка! Но все равно, это лучше, чем ныть, чем подавать туфли и находить очки, правда? Элиза, я сказал, что сделаю из вас настоящую женщину – и сделал. Такая вы мне нравитесь.

– Да, теперь вы будете хитрить и заискивать. Поняли наконец, что я могу обойтись без вас и не боюсь вас.

– Конечно понял, дурочка! Пять минут тому назад вы висели у меня на шее, как жернов. Теперь вы – крепостная башня, боевой корабль! [29. С. 511].

Оба безумно влюблены, но ни один не уступит: Элиза, хоть и цветочница, тоже тигрица, и ей нужен свой неумолимый укротитель. По сути, и Ширли, и Элиза – женские образы, которые осуществляют субверсию нарратива поклонения Прекрасной Даме; они – крайние антагонисты в рамках такой традиции, разрушающие сам символический троп поклонения им. Если мужчины начнут им поклоняться, они устроят настоящую символическую самодеструкцию.

Традиция поклонения Прекрасной Даме и мазохизм

Их яркие антиподы – мазоховские героини Ванда Дунаева и Надежда Барагрева, которые, наоборот, утверждают и подчеркивают традицию поклонения Прекрасной Даме. Старшая Бронте, рисуя Ширли Килдар, описывает женщину, власть которой была бы более деструктивной по отношению к себе, чем к окружающим; обратное мы можем найти в повестях и рассказах Леопольда фон Захер-Мазоха. Ванда Дунаева, главная героиня «Венеры в мехах», открыто заявляет Северину Кузимскому, признавшемуся ей в любви: «Я отлично могу себе представить, что могла бы принадлежать одному мужчине всю жизнь, но это должен быть настоящий мужчина, который подчинил бы меня силой своей личности» [22. С. 39]. Не увлек, но подчинил. В противном случае Дунаева разрушит все символическое пространство вокруг себя, символическое внешнее, разрушая психику мужчин, попавшихся ей на пути. Символическое поклонение Дунаевой как Прекрасной Даме ведет исключительно к мазохистскому синдрому.

Сэр Фрэнк Дикси (1853–1928). Конец поисков
Sir Francis Dicksee (1853–1928). The end of the quest

Как ни странно, европейская культурная традиция поклонения Прекрасной Даме, воплощенная в сочинениях средневековых трубадуров и концептуально сформулированная в русской философско-религиозной мысли, весьма близка в символическом контексте повествованиям Мазоха. И здесь и там

женщина презирует мужчину, и здесь и там мужчина обожает недоступную красавицу. Просто у Захер-Мазоха дело доведено до логического конца: его герой Северин переводит феномен своего обожания в физиологически-телесный план, деметафоризируя бердяевские высказывания о «мучениях», «рабстве», «страданиях» в любви к недосягаемой женщине. «Быть рабом женщины, прекрасной женщины, которую я люблю, которую боготворю!..» – в этой фразе Северин все еще психологически здоровый человек, но дальнейшее поклонение приводит его с неумолимостью к следующим словам, говорящим о его психологических отклонениях: «...которая меня связывает и хлещет, топчет меня ногами, отдаваясь при этом другому». Договор между Вандой Дунаевой и Северином Кузимским предусматривает, что последний обязуется «честным словом человека и дворянина быть рабом Ванды до тех пор, пока она сама не возвратит ему свободу» [22. С. 117]. То есть Северин трансформируется в двойника рыцаря Тоггенбурга, захваченного психологическим рабством в рамках поклонения своей Прекрасной Даме.

Русские мыслители близко подошли в своих рассуждениях к психоаналитическому пониманию перверсии мужской психики: средневековая традиция куртуазной любви и поклонения Прекрасной Даме в стиле Тоггенбурга – это символизация мазохизма как психологического состояния. Мазох вкладывает в уста Ванде справедливые слова: «Меня возбуждает сама мысль о том, чтобы видеть такого человека у своих ног, столь беззаветно, столь восторженно отдавшегося мне... Но долго ли это будет продолжаться? Женщина может любить мужчину, но раба она унижает и в конце концов отшвыривает его от себя ногой» [22. С. 92].

По замечанию Жюль Делеза, мазохист – это идеалист и крайний мечтатель по сути, который в своих фантазиях «отклоняет» реальность во имя собственных мечтаний. Согласно концепции Делеза, мазохист делает идею закона и договора, какими они сложились в обществе, и, соответственно, властные отношения объектом осмеяния [26. С. 246]. Рыцари, которые обещали прекрасным дамам, носителям Вечной Женственности, победить на турнире в их честь, были символическими мазохистами, у которых чисто семиотическое просто еще не сформировало законченный психологический тип. По Делезу, если садизм разрушает Просвещение, то мазохизм – модернистский дискурс социально-стабильных институтов [Там же. С. 245].

Если в современном обществе, где институт семьи не функционирует в классическом своем понимании, женщины становятся «Венерами в мехах», то мужчины теряют всякую мужественность как культурную нагруженность своего пола [30]. Любовник, даже понимая, что при самом зарождении интимная связь уже априори мертва, тем не менее обольщает себя мнимой долговечностью отношений и их постоянством [31. С. 360]. Как считает Р. Норвуд, женщина должна выйти из стадии любовного рабства и обратить в раба мужчину, и современное состояние интимности видится ей как долгожданная инверсия ролей в любовных отношениях [Там же. С. 382]. Увы, мужчина, возможно, поработается, но женщина нисколько не освобождается – при этом и мужчина, и женщина становятся одинаково связанными по рукам и ногам символической кодификацией любви, осуществляемой в рамках постсемейной интимности.

Энтони Гидденс, бывший директор Лондонской школы экономики, в своем произведении «Трансформация интимности» вводит понятие «чистых отношений» («*pure relations*») [32]. Несмотря на название, это отнюдь не платоническая любовь; «чистые отношения не имеют ничего общего с сексуальным пуританизмом. Это понятие относится к ситуации, где социальное отношение вводится ради самого себя, ради того, что может быть извлечено каждой личностью из поддерживаемой ассоциации с другим, и которое продолжается лишь до тех пор, пока обе стороны думают, что оно каждому из индивидов доставляет достаточно удовлетворения, чтобы оставаться в его рамках» [32. С. 80]. Этот социолог отстаивает точку зрения, согласно которой только такие отношения и должны формироваться в социуме: все рассуждения о прочных браке и семье – не более чем ненужная традиционная чепуха – примечательна его критика традиционных отношений интимности как «романтической привязанности» в третьей главе упомянутого труда.

Весьма симптоматично, что у Захер-Мазоха в его «Демонических женщинах», сборнике рассказов о весьма показательных особах женского пола, мужчины сплошь безвольные и слабохарактерные серости, а женщины – властолюбивые тиранки. У крестьянок Федоры («Федора») и Матрены («Живая скамья»), рыжеволосой плантаторши («Рыжие волосы»), богатой итальянской принцессы Леониды («Демоническая женщина»), русской циркачки Асмы («Асма»), галицийской графини Бернардины («Вторая молодость»), русской помещицы Ольги («Лунная ночь») и фрейляйн Власты фон Миловитц («Власта»), несмотря на непохожесть характеров, есть одна общая танатологическая черта в создаваемом ими символическом обмене: непонятно, чего более они жаждут: любви или смерти возлюбленного, обожающего их в качестве Прекрасной Дамы, – неспособного бросить им психологический вызов мужчины [33].

Мужчины с твердым характером в любовных отношениях, как нас учит классический психоанализ, склонны к очень сильной ревности, но такие мужчины чаще всего не склонны вступать в свободные отношения, а более тяготеют к традиционной семье как форме организации социума [34]. Однако сильные натуры встречаются редко, отсюда в нашем сегодняшнем обществе наблюдается пролиферация симулятивного обмена свободных связей, а ревность

развоплощается вместе с жертвенной эротической любовью, ее противоположностью.

Рыцарский турнир. Миниатюра из книги XV в. По левую руку от французского короля сидят дамы, в честь которых рыцари должны одержать победу в поединке

A chivalric tournament. A miniature from a book of the 15th century. To the left hand of the French King, the ladies are sitting, in whose honour the knights must win the tournament

Заключение

В данной статье я постарался показать синхроническую и психологическую связь между развитием рыцарской культурной традиции поклонения Прекрасной Даме и ослаблением социальных позиций института семьи в Европе. Здесь важно подчеркнуть именно синхронический и психологический характер связи между этими двумя процессами, а не прямой причинно-следственный характер. На синхронический характер связи обращали внимание как русские философы Бердяев, Соловьев, Розанов, так и классик культурологии Дени де Ружмон и современные исследователи-культурологи Нандины Панди и Тарек Шамма. Наличие психоаналитического фундамента в сходстве рыцарского комплекса и мазохистского синдрома отмечали Маркузе и Захер-Мазох. В настоящем исследовании я постарался соединить вместе логику культурологического и психоаналитического подходов, расширив области применения обоих подходов. Однако в ходе аргументации в данном исследовании остаются некоторые вопросы. Действительно ли мы можем проводить синхронические параллели между средневековой европейской культурной традицией и достаточно современными социальными процессами ослабления роли семейных ценностей и семьи как таковой, имеющими место в нынешней Европе?

Хотя процесс наступления «эры постсемейности» в Европе достаточно современен, отрицание семьи как возможности легитимной реализации эротического желания и поклонения Даме в европейской культуре присутствовало со времени позднего средневековья – периода расцвета куртуазной культуры [35. Р. 11–12].

С одной стороны, это связано с тем, что в традиции поклонения Прекрасной Даме в рамках куртуазной культуры позднего средневековья брак уже отрицался как закономерное воплощение Любви, понятой в качестве сакрально-мистического коррелята европейской культуры. Данное отрицание было характерно как для самих носителей куртуазной культуры – бардов, менестрелей, трубадуров, так и для реципиентов этого культурного посыла, собственно рыцарей. Дени де Ружмон в главе «Поженить Изольду» своего монументального труда «Любовь и Запад» метко подмечает, что Изольда только до тех пор желанна для Тристана, покуда она замужем за другим [9. Кн. VI. Гл. IV]. Пока Прекрасная Дама недосыгаема для рыцаря, она является предметом всех его стремлений и его безусловного поклонения (психологического и социального), но как только она становится его собственностью (а именно так в большинстве случаев замужняя женщина понималась в рамках рыцарской культуры), она не только теряет божественный ореол Прекрасной Дамы; она становится антагонистом Любви-Эроса, трансформируясь в элемент быта. Поженить Изольду – значит ее развоплотить; образ Прекрасной Дамы – образ женщины, от которой мужчина-рыцарь символически отделен: как только она становится его женой, он ее теряет.

И тут мы приходим к другой стороне противления рыцарской культуры институту семьи. Семья – часть быта, а значит, часть дихотомии *Любовь – быт*, о которой рассуждает Роман Якобсон в своей работе «О поколении, растратившем своих поэтов» [36. Р. 111–132]. Как пишет Якобсон, быт (мыслитель даже в английском оригинале статьи использует английскую кальку с

русского *byt*, поскольку считает, что адекватного аналога в английском языке русскому понятию «быт» не существует) – нечто, поглощающее возвышенную Любовь, любовь как мистику, любовь как желание, любовь как драму, любовь как пассионарный порыв. Якобсон, используя парафразы цитат Владимира Маяковского, употребляет для быта такие термины, как «застарелый», «замшелый», «заплесневелый», «неподвижный», «привычный», «неинтересный», «скучный», «веками сохраняющий одно и то же» [36. Р. 114–115]. Поэтому становится ясно, что семейный быт в средневековой куртуазной культуре начал ассоциироваться с прямой антитезой страстной Любви-эроса, обладающей колоссальной преобразующей силой – иногда созидательной, иногда разрушительной, но всегда огромной. Куртуазная любовь неотделима от неясности исхода любовной игры, от потенциальной недоступности Дамы, от балансирования мужчины на грани женского отказа и прямо противоположна любви семейной, облеченной в одежды *Любви-быта* (милостивый читатель, позвольте мне такой оксюморон). Пьер Абеляр в «Истории моих бедствий» много раз подчеркивает, что Элоиза – конечно же, идеал Дамы и идеал любви, но только до брака и вне семьи. Как любовник, злосчастный средневековый философ легко представлял себя носителем рыцарской культуры, но вообразить себя в роли мужа, слушающего крики младенцев и постоянно натякающегося на развешанное во дворе белье, не мог.

Если в культуре рыцарских турниров женщина-дама правила и устанавливала законы, ей поклонялись и ее превозносили как объект высшего желания мужчины-рыцаря, то в сфере семьи женщина-жена была довольно безликим и малозначимым существом, потерявшим свою семиотическую силу, свою природу, преобразующую общество и культуру.

Связь рыцарского эротического поклонения Прекрасной Даме и мазохистского синдрома, проиллюстрированная в статье некоторыми нестандартными примерами, отчасти обусловлена психологическим комплексом вины мужской психики, который сложился как архетипический лейтмотив примерно спустя сто – сто пятьдесят лет после начала Крестовых походов. Этот комплекс, в свою очередь, нашел выражение в таких перманентных темах рыцарского эпоса, как поездки шевалье в дальние страны, участие в Крестовых походах, участие в турнирах и рыцарских поединках, битвы с великанами и прочими чудовищами, принесение себя и своей жизни в жертву любимой Даме (как в случае с рыцарем Тоггенбургом, процитированным Н.Г. Чернышевским в его романе «Что делать?»). Мазохистский синдром рыцарской культуры – предельная, завершающая стадия поклонения Прекрасной Даме, когда сами страдания мужчины являются для него высшим благом – страдания рабства, психологической зависимости и безвольно-слепого следования за своим недостижимым кумиром. Безусловно, брак и семья при мазохистских отношениях проблематичны, если не сказать заведомо обречены на провал. Как мы помним, в «Венере в мехах» Захера-Мазоха его герой Северин фон Кузимский заключил с Вандой Дунаевой некий контракт, который давал Ванде исключительное право рабовладения над женщиной. Прообразом этого послужили собственные отношения писателя с баронессой Фанни Пистор, в которых между ними был заключен контракт, дававший Фанни право на «безраздельное владение» Леопольдом Мазохом в течение шести месяцев с даты заключения. Примечательно, что ни в романе Захера-Мазоха, ни в его

собственной жизни о семье речь не заходила, поскольку мазохизм как психологический синдром невозможно уложить в matrimониальные отношения (все «классические» браки писателя немедленно заканчивались разводами, зато его мазохистские «рабовладельческие» любовные отношения могли длиться гораздо дольше шести месяцев – и с Фанни Пистор, и с Авророй Рюемлин, и с его секретаршей, и с другими женщинами).

Тем не менее если уже во времена позднего средневековья психологическая и культурная составляющие куртуазного сопротивления семейственности были достаточно сильны, почему лишь в конце XX в. мы столкнулись с кризисом семейности? С тем, что в Европе произошел резкий и исторически беспрецедентный спад интереса граждан Евросоюза к семье, при котором семья начала подменяться новыми, постсемейными формами интимности и сожителства?

Связь современной аннигиляции семьи в Европе с психологическо-культурными предпосылками этого процесса, впервые нашедшими свою реализацию в культурной рыцарской традиции поклонения Прекрасной Даме, мне представляется несомненной; но любому историческому процессу необходимо определенное время для того, чтобы он стал очевиден постороннему наблюдателю. Возможно, так было и здесь: требовалось не только время, но и определенная историческая обусловленность для того, чтобы семья в европейских сообществах стала испытывать по-настоящему серьезный кризис. Частями этой обусловленности являются такие социальные процессы, как дегуманизация современного западного общества, его секуляризация (и антихристианизация, часто выражающаяся уже не в просвещенном атеизме, а в неоязыческих тенденциях и практиках), его индивидуализация, его глобализация, сексуальная революция 1970-х, развитие тенденций массового потребления и консюмеризма. Однако первые ласточки отрицания семейности в Европе стали заметны в средневековой куртуазной рыцарской культуре.

Современная европейская (в собирательном смысле) культура одновременно проявляет и перверсивный психологический синдром, о котором писал Леопольд Захер-Мазох, и воскрешение индивидуалистической агональности, характерной для куртуазной традиции, описанной Дени де Ружмоном. Брак уступает место различным внесемейным формам интимности. В разных европейских сообществах существуют, конечно, и свои особенности, но одни и те же знаковые тенденции мы сейчас можем наблюдать в Европе практически повсеместно. Как показывает Шарлотта Касл, традиционные семьи в Европе уже с 1990-х гг. составляют меньшинство [37. Р. 322]. В некоторых европейских странах в 2010-е уже около двух третей детей рождается вне брака, а процент одиноких людей возрос и, по-видимому, будет расти и дальше. В Европе, преимущественно Западной Европе, мы становимся свидетелями тому, что доля граждан в возрасте от 18 до 40 лет, сожительствующих вне официального брака, даже если у них есть общие дети, уже составляет около 80% [38. Р. 434]. Тенденция вполне ясна: европейская семейность радикальным образом трансформируется и разрушается, уступая дорогу свободной интимности и размытой гендерной идентичности.

Когда люди вступают в брак, они обыкновенно (хотя бы во время свадьбы) надеются на то, что отношения будут долгими (в противном случае зачем закреплять шаткие и никуда не ведущие отношения?). Пусть даже наши

надежды подчас оказываются напрасными, они вполне имеют право на существование.

Но если люди просто вступают в «постсемейные» отношения, в неупорядоченные интимные связи, то нужно признать диссоциацию этих отношений – я не случайно говорю «диссоциацию» как процесс более или менее медленного размывания, а не «разрушение», которое можно отнести к браку. Разрушиться в полном смысле этого слова может лишь то, что обладало определенной силой сопротивления внешним воздействиям и некоторой упорядоченной знаковой структурой. Но то, что уже было сконструировано как заранее шаткая, нечеткая, неупорядоченная совокупность симулякров, не может *разрушиться* – этот социальный феномен просто *исчезает*, дезинтегрирует. Если многие говорят, что интимность вне брака и даже вопреки браку, вопреки семье – это нормальное существование постмодернистского общества, то такой символический «сахар» будет именно неустойчиво *диссоциировать*, будучи брошенным в воду социального существования, а не *разрушиться*.

В результате нашего анализа трансформации системы гендерных социальных ролей и места и роли в ней средневековой культурной традиции поклонения Прекрасной Даме необходимо признать, что эта традиция совместно с психологическим мазохистским комплексом повлияла на трансформацию системы гендерно-властных отношений в европейском обществе и радикальное изменение формируемых в контексте данных отношений гендерных социальных ролей. Примечательно, что на Востоке, в частности, в китайской конфуцианской культуре, традиции куртуазной любви не существовало, а женщины пользовались большим почтением в семье, чем в средневековой Европе [39. Р. 5]. В современном европейском неолиберальном обществе наблюдается попытка трансгрессии, наступления радикальной культурной изменчивости на традицию, нарушения гендерно-властных отношений, раньше традиционно формировавшихся на основе становления социального института семьи – из-за этого в современном психологическом пространстве любви и желания возникает пролиферация садо-мазохистского символического обмена, который становится удивительным образом связанным со средневековыми песнями и балладами трубадуров и менестрелей, символизирующих доминанту свободной Вечной Женственности и рыцарского безоговорочного поклонения Прекрасной Даме.

Литература

1. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский эрос, или Философия любви в России / сост. В.П. Шестаков. М., 1991. С. 232–265.
2. Соловьев В.С. Смысл любви // Русский эрос, или Философия любви в России / сост. В.П. Шестаков. М., 1991. С. 19–76.
3. Розанов В.В. Люди лунного света. М., 1990. 298 с.
4. Schultz J.A. Courtly Love, the Love of Courtliness, and the History of Sexuality. Chicago, 2006. 224 p.
5. Pandey N.B. Caput mundi: Female Hair as Symbolic Vehicle of Domination in Ovidian Love Elegy // The Classical Journal. 2018. Vol. 113, № 4. P. 454–488. DOI: <http://dx.doi.org/10.5184/classicalj.113.4.0454>
6. Shamma T. Women and Slaves: Gender Politics in the Arabian Nights // Marvels & Tales. 2017. Vol. 31, No. 2. P. 239–260. DOI: <http://dx.doi.org/10.13110/marvelstales.31.2.0239>.
7. Lupack A. The Oxford Guide to Arthurian Literature and Legend. Oxford, 2005. 512 p.
8. Moore J. C. Courtly Love: A Problem of Terminology // Journal of the History of Ideas. 1979. Vol. 40, № 4. P. 621–632.

9. *Rougemont D. de*. L'amour et l'Occident. Paris, 2001. 448 p.
10. *Bogin M.* The Women Troubadours. New York, 1980. 192 p.
11. *Чернышевский Н.Г.* Что делать? М., 2011. 448 с.
12. *Harris K.M., McDade Th.W.* The Biosocial Approach to Human Development, Behavior, and Health Across the Life Course // The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2018. Vol. 4, № 4. P. 2–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.7758/rsf.2018.4.4.01>
13. *Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. / пер. с фр. Е.Ю. Симакова // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 90–96.
14. *Newman F.* The Meaning of Courtly Love. Albany; New York, 1968. 102 p.
15. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
16. *Ross J.* The search for certainty: A pragmatist critique of society's focus on Biological Childbearing // The Pluralist. 2018. Vol. 13, № 2. P. 96–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.5406/pluralist.13.2.0096>
17. *D'Albis H., Greulich A., Ponthière G.* Education, labour, and the demographic consequences of birth postponement in Europe // Demographic Research. 2017. Vol. 36, № 1. P. 691–728. DOI: <http://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.23>
18. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. М., 2003. 320 с.
19. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. 390 с.
20. *Stockdill B.C.* Love in the Time of ACT UP: Reflections on AIDS Activism, Queer Family, and Desire // QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking. 2018. Vol. 5, № 1. P. 48–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.14321/qed.5.1.0048>
21. *Волгогонова О.Д.* Интимность в ускользающем мире // Космополис. 2005. № 1 (11). С. 154–160.
22. *Захер-Мазох Л. фон.* Венера в мехах. СПб., 2012. 224 с.
23. *Kuschel K.* The Work-family Field: Gaps and Missing Links as Opportunities for Future Research // Innovar: Revista de ciencias administrativas y sociales. 2017. Vol. 27, № 66. P. 57–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.15446/innovar.v27n66.66711>
24. *Duits E.J.* L'Autre désir: Du sadomasochisme à l'amour courtois. Paris, 2000. 135 p.
25. *Стризове А.Л., Храпова В.А.* Вербальное и визуальное в культуре: иерархия или дополнительность? // Вопросы философии. 2018. № 6. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2001&Itemid=52.
26. *Делез Ж.* Представление Захер-Мазоха // Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. М., 1992. С. 240–256.
27. *Бронте Ш.* Шерли. М., 2010. 608 с.
28. *Hutton R.* Witches and Cunning Folk in British Literature 1800–1940 // Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural. 2018. Vol. 7, № 1. P. 27–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.5325/preternature.7.1.0027>
29. *Шоу Б.* Пигмалион // Избранные пьесы. М., 1999. С. 421–512.
30. *Moesser C.* Sex Wars and the Contemporary French Moral Panic: The Productivity and Pitfalls of Feminist Conflicts // Meridians. 2018. Vol. 16, № 1. P. 79–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.2979/meridians.16.1.09>
31. *Норвуд Р.* Надо ли быть рабой любви? М., 1994. 448 с.
32. *Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М., 2004. 208 с.
33. *Захер-Мазох Л. фон.* Демонические женщины. СПб., 2008. 320 с.
34. *Аусландер Л.* Женские + феминистские + лесбийские + гей + квир исследования = гендерные исследования // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 / под ред. С. Жеребкина. Харьков, 2001. С. 63–93.
35. *Grey C., Lady.* Politics of visibilities in the modern European world // The Beacon. 2018. V. 1. 010520001. P. 1–20.
36. *Jakobson R.* Verbal Art, Verbal Sign, Verbal Time / ed. by K. Pomorska and S. Rudy. Minneapolis, MN, 1985. 224 p.
37. *Kasl Ch.* Women, Sex and Addiction: A Search for Love and Power. London, 1990. 416 p.
38. *Oxfeldt E., Nestingen A., Simonsen P.* The happiest people on Earth? Scandinavian narratives of guilt and discontent // Scandinavian Studies. 2017. Vol. 89, № 4. P. 429–446.
39. *Sharov K.S., Ng M., Lim H.Ch.* Soziale rollen und status von Frauen im kaiserlichen China: apologie der konfuzianischen kultur und vergleich mit mittelalterlichen Europa // The Beacon. 2018. V. 1. 020310207. P. 1–16.

Konstantin S. Sharov, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation).

E-mail: const.sharov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 38, pp. 145–164.

DOI: 10.17223/2220836/38/14

MEDIEVAL TRADITION OF COURTLY LOVE AND ITS INFLUENCE UPON TRANSFORMING MATRIMONIAL RELATIONS IN EUROPEAN SOCIETIES

Keywords: social gender roles; social institute of marriage; social institute of family; cultural tradition; courtly love; worshipping Beautiful Lady; masochism.

Introduction. The article presents a study on the system of gender social roles in modern neoliberal societies transformation, in particular, European and Russian society; and the genetic relationship of this change with the cultural tradition of courtly love. The purpose of the work is to analyse the symbolic tradition of worshipping Beautiful Lady within the courtly love which originated in Western European chivalric culture in the middle ages, and to shew how it is connected with the modern processes of radical transformation of gender social roles and gender communication system in European and Russian society.

Research methods. The research is based on the following methods: a) semiotic methods of analysing cultural signs by R. Barthes and Ch. S. Peirce; b) psychoanalytic techniques of studying guilt complex, erotic worshipping and masochist syndrome by H. Marcuse and L. von Sacher-Masoch; c) cultural procedure of investigating love narrative in European culture by D. de Rougemont. The materials include cultural symbols representing the traditions of courtly love typical for Western Europe in the middle ages; literature prosaic texts of Romanticism and Realism, closely related to such representation.

Results. The results consist in the revealing of the cultural and psychological succession between: a) prosaic, poetic and symbolic consequences of the courtly tradition of worshipping Beautiful Lady and b) diminishing of the significance of social institution of traditional family in modern Western and Russian society. The article examines the psychological, social and semiotic mechanisms of such continuity. It reveals the direct relationship between the masochistic psychological complex; Marcuse's concept of civilization repression; symbolic courtly male reverence for women codified in the signs of Eternal Femininity and Beautiful Lady in the middle ages; and the transgression of modern gender relations. It is emphasised that in nowadays' global society, there is a proliferation of simulative exchange of free intimacy in which the simulation of love begins to be interpreted as true intimacy.

Conclusions. It is concluded that the "post-family" intimacy in the modern neoliberal society is symbolically based on a conscious deviance as well as transgression of the gender-power relations system. The basic principles of such transgression were formulated within the Western European courtly tradition of worshipping Beautiful Lady. The author notes that in the middle ages, the chivalrous revision of traditional gender-power relations in the culture of troubadours and minstrels, was limited to the scope of the symbolic and it was a cultural artifact. In the modern society, this tradition was able to change the classical social institutions of family and marriage; and because of this fact, this tradition acquired the power of social action.

References

1. Berdyaev, N. A. (1991) *Metafizika pola i lyubvi* [Metaphysics of sex and love]. In: Shestakov, V.P. (ed.) *Russkiy eros, ili filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia]. Moscow: Progress. pp. 232–265.
2. Solovev, V.S. (1991) *Smysl lyubvi* [The sense of love]. In: Shestakov, V.P. (ed.) *Russkiy eros, ili filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia]. Moscow: Progress. pp. 19–76.
3. Rozanov, V. V. (1990) *Lyudi lunnogo sveta* [People of the moonlight]. Moscow: Druzhba narodov.
4. Schultz, J.A. (2006) *Courtly Love, the Love of Courtliness, and the History of Sexuality*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Pandey, N.B. (2018) *Caput mundi: Female Hair as Symbolic Vehicle of Domination in Ovidian Love Elegy*. *The Classical Journal*. 113(4). pp. 454–488. DOI: <http://dx.doi.org/10.5184/classicalj.113.4.0454>

6. Shamma, T. (2017) Women and Slaves: Gender Politics in the Arabian Nights. *Marvels & Tales*. 31(2). pp. 239–260. DOI: <http://dx.doi.org/10.13110/marvelstaes.31.2.0239>
7. Lupack, A. (2005) *The Oxford Guide to Arthurian Literature and Legend*. Oxford: Oxford University Press.
8. Moore, J.C. (1979) Courtly Love: A Problem of Terminology. *Journal of the History of Ideas*. 40(4). pp. 621–632.
9. Rougemont, D. de. (2001) *L'amour et l'Occident*. Paris: [s.n.].
10. Bogin, M. (1980) *The Women Troubadours*. New York: Norton.
11. Chernyshevsky, N.G. (2011) *Chto delat'?* [What to do?]. Moscow: Drofa.
12. Harris, K.M. & McDade, Th.W. (2018) The Biosocial Approach to Human Development, Behavior, and Health Across the Life Course. *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 4(4). pp. 2–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.7758/rsf.2018.4.4.01>
13. Duby, G. (1990) Kurtuaznaya lyubov' i peremeny v polozhenii zhenshchin vo Frantsii XII v. [Courtly love and the changes in female situation in France of the 12th century]. Translated from French by E.Yu. Simakov. *Odissey. Chelovek v istorii – Odysseus. Man in History*. pp. 90–96.
14. Newman, F. (1968) *The Meaning of Courtly Love*. Albany, New York: SUNY Press.
15. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Translated from French. Moscow: KDU; Dobrosvet.
16. Ross, J. (2018) The search for certainty: A pragmatist critique of society's focus on Biological Childbearing. *The Pluralist*. 13(2). pp. 96–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.5406/pluralist.13.2.0096>
17. D'Albis, H., Greulich, A. & Ponthière, G. (2017) Education, labour, and the demographic consequences of birth postponement in Europe. *Demographic Research*. 36(1). pp. 691–728. DOI: <http://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.23>
18. Marcuse, H. (2003) *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and Civilization]. Translated from English. Moscow: [s.n.].
19. Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Translated from English Moscow: Logos.
20. Stockdill, B.C. (2018) Love in the Time of ACT UP: Reflections on AIDS Activism, Queer Family, and Desire. *QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking*. 5(1). pp. 48–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.14321/qed.5.1.0048>
21. Volkogonova, O.D. (2005) Intimnost' v uskol'zayushchem mire [Intimacy in the slipping world]. *Kosmopolis*. 1(11). pp. 154–160.
22. Sacher-Masoch, L. von (2012) *Venera v mekhakh* [Venus in Furs]. Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].
23. Kuschel, K. (2017) The Work-family Field: Gaps and Missing Links as Opportunities for Future Research. *Innovar: Revista de ciencias administrativas y sociales*. 27(66). pp. 57–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.15446/innovar.v27n66.66711>
24. Duits, E.J. (2000) *L'Autre désir: Du sadomasochisme à l'amour courtois*. Paris: la Musardine.
25. Strizoe, A.L. & Khrapova, V.A. (2018) “Verbal and Visual in Culture: Hierarchy or Complementarity?” *Voprosy filosofii*. 6. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2001&Itemid=52. (In Russian).
26. Deleuze, J. (1992) Predstavlenie Zakher-Mazokha [The introduction of Sacher-Masoch]. In: Sacher-Masoch, L. von *Venera v mekhakh* [Venus in Furs]. Translated from German. Moscow: Kul'tura. pp. 240–256.
27. Brontë, Ch. (2010) *Sherli [Shirley]*. Translated from English by I. Grushetskaya, F. Mendelson. Moscow: Klub semeynogo dosuga.
28. Hutton, R. (2018) Witches and Cunning Folk in British Literature 1800-1940. *Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural*. 7(1). pp. 27–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.5325/preternature.7.1.0027>
29. Shaw, B. (1999) *Izbrannye p'esy* [Selected Plays]. Translated from English. Moscow: RIPOL klassik. pp. 421–512.
30. Moeser, C. (2018) Sex Wars and the Contemporary French Moral Panic: The Productivity and Pitfalls of Feminist Conflicts. *Meridians*. 16(1). pp. 79–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.2979/meridians.16.1.09>
31. Norwood, R. (1994) *Nado li byt' raboy lyubvi?* [Is It Necessary to Be a Love Slave?]. Translated from English by K. Saveliev. Moscow: MIRT.
32. Giddens, A. (2004) *Transformatsiya intimnosti: seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies]. Translated from English. Moscow: [s.n.].

-
33. Sacher-Masoch, L. von (2008) *Demonicheskie zhenshchiny* [Demonic Women]. Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].
34. Auslander, L. (2001) Zhenskie + feministskie + lesbiyskie + gey + kvir issledovaniya = gendernye issledovaniya [Female + feminist + lesbi + gay + queer studies = gender studies]. In: Zherebkin, S. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies,]. Kharkov: KhTsGI. pp. 63–93.
35. Grey, C. (2018) Politics of visibilities in the modern European world. *The Beacon*. 1. pp. 1–20.
36. Jakobson, R. (1985) *Verbal Art, Verbal Sign, Verbal Time*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
37. Kasl, Ch. (1990) *Women, Sex and Addiction: A Search for Love and Power*. London: HarperCollins.
38. Oxfeldt, E., Nestingen, A. & Simonsen, P. (2017) The happiest people on Earth? Scandinavian narratives of guilt and discontent. *Scandinavian Studies*. 89(4). pp. 429–446.
39. Sharov, K. S., Ng, M. & Lim, H.Ch. (2018) Soziale rollen und status von Frauen im kaiserlichen China: apologie der konfuzianischen kultur und vergleich mit mittelalterlichen Europa. *The Beacon*. 1. pp. 1–16.